

РЕЛИГИЯ, КАКЪ ОСНОВА ЖИЗНИ ¹⁾.

Отрицають возможность безсмертія, но вѣра въ безсмертіе, т.-е. въ продолженіе существованія послѣ смерти, свойственна, какъ показываютъ данныя, всѣмъ народамъ древняго и новаго времени. Эта вѣра прежде всего выражается въ заботахъ о погребеніи умершихъ и въ почитаніи мертвецовъ. Такія заботы и такое почитаніе найдены не только у историческихъ, но и у всѣхъ доисторическихъ народовъ (Мортилье оспаривалъ это по отношенію къ палеолитическому человѣку, но открытія въ Солютрѣ и Спи безусловно опровергаютъ его). Далѣе эта вѣра выражается въ широко распространенномъ (особенно у некультурныхъ народовъ) культѣ предковъ, наконецъ, у народовъ культурныхъ оно находитъ себѣ выраженіе въ ученіяхъ о безсмертіи. Образъ безсмертія въ этихъ ученіяхъ представляется различно,— ясно и блѣдно, опредѣленно и неопредѣленно; состояніе души послѣ смерти тѣла въ большинствѣ ученій ставится въ зависимость отъ ея поведенія на землѣ, въ нѣкоторыхъ—нѣтъ; нѣкоторыя ученія утверждаютъ метампсихозисъ, т.-е. переселеніе души изъ одного тѣла въ другое, многократныя воплощенія души, при чемъ характеръ этихъ перевоплощеній становится въ зависимость отъ нравственныхъ качествъ и поведенія души. Наконецъ, по христіанскому ученію и по ученію нѣкоторыхъ другихъ религій, душу по ея отдѣленіи отъ тѣла ожидаетъ сознательное безсмертіе, блаженный или горестный характеръ котораго зависитъ отъ того, что душою совершенно при жизни. Это ученіе во всемъ своемъ объемѣ

¹⁾ Окончаніе. См. Богосл. Вѣстн. Янв. 1905 г.

отрицается матеріализмомъ. По теоріи матеріализма душа есть функція тѣла. Она есть временный *modus* вещественной міровой энергіи. Извѣстныя количества матеріи и силъ даютъ плодомъ своего соединенія душу, всѣ измѣненія ихъ въ количествѣ (въ организмѣ) влекутъ за собою измѣненія въ душѣ: вся душевная дѣятельность есть трата вещества и энергіи, отдаваемыхъ человѣкомъ природѣ и подвергающихся въ ней новымъ превращеніямъ. Душа съ этой точки зрѣнія есть такое же временное и случайное явленіе, какъ радуга или сѣверное сіяніе. Если душа, какъ предполагаетъ теорія, есть *modus* матеріи, то, спрашивается, откуда является въ ней способность ощущеній, когда матерія характеризуется отсутствіемъ этой способности? На это отвѣчаютъ теоріей превращенія вещества и энергіи. Матерія испытываетъ превращенія при переходѣ изъ одного состоянія въ другое (изъ твердаго въ жидкое и т. п.) и въ химическихъ соединеніяхъ; силы постоянно превращаются: свѣтъ въ тепло, электричество и т. д. Это разсужденіе грѣшитъ грубымъ непониманіемъ дѣла. Съ точки зрѣнія самого матеріализма, въ природѣ существуютъ только движенія матеріальныхъ частицъ. Частицы эти неизмѣнны, и движенія ихъ ни во что не превращаются. Если бы наши органы чувствъ были совершенными, то вмѣсто воды мы видѣли бы своеобразныя комбинаціи водорода и кислорода и вмѣсто лучей свѣта атомы эфира, колеблющіеся со скоростію 280 тысячъ верстъ въ секунду. Превращеніе свѣта въ электричество и разложеніе воды на элементы представились бы намъ тогда—лишь какъ измѣненіе движенія тѣхъ же частицъ. Превращенія—это субъективныя явленія для наблюдателя съ слабымъ зрѣніемъ, а не фактъ дѣйствительности, поэтому не можетъ быть и превращенія неоощущающей матеріи въ ощущающую. Говорятъ, что всѣ психическія явленія связаны съ движеніемъ матеріи. Пусть это такъ, но всѣ эти движенія мы можемъ мыслить какъ совершенно несвязанныя съ психическими актами. Исторія философіи знаетъ попытку разсматривать животныхъ, какъ автоматы (Декартъ, Мальбраншъ). Въ звукахъ голоса можно видѣть только движеніе воздуха, производимое сокращеніемъ нѣкоторыхъ мускуловъ, вызываемымъ механическими причинами, но нѣтъ необходимости мыслить, что эти звуки связаны или вызваны какимъ-

то психическимъ состояніемъ. Ощущеніе есть фактъ, невыводимый изъ измѣненій матеріи. Никакое измѣненіе въ суммѣ и расположеніи матеріальныхъ частицъ не можетъ родить въ нихъ ни чувства горя, ни чувства радости. Ясно представляющаяся несостоятельность материалистической доктрины побудила нѣкоторыхъ въ настоящее время обратиться къ гилозоистическому воззрѣнію. По этой теоріи, каждому атому, кромѣ физическихъ, принадлежать еще психическія свойства, и какъ размѣры атома имѣютъ очень малую экстенсивность, такъ его психическія свойства имѣютъ очень малую интенсивность. Экстенсивность матеріи увеличивается чрезъ простое суммирование атомовъ, для повышенія психическихъ свойствъ матеріи нужно, чтобы его атомы вступили въ своеобразную органическую связь. Чѣмъ сложнее и централизованнѣе эта связь, тѣмъ выше сознаніе организма. По этой теоріи самосознаніе есть равнодѣйствующая сознанія тѣхъ атомовъ, изъ которыхъ образованъ самосознающій организмъ. Сознаніе атомовъ бессмертно, самосознаніе организма угасаетъ съ физическою смертію послѣдняго. Но вотъ вопросъ,—гдѣ же помѣщается это самосознаніе? Конечно, ни въ какомъ изъ атомовъ, потому что психическія свойства cadaго атома неизмѣнны, значить—въ нѣ атомовъ. Такимъ образомъ мы получаемъ, что самосознаніе образуется тамъ, гдѣ нѣтъ сознающихъ, вообще психическихъ элементовъ. Сравненіе души или самосознанія съ равнодѣйствующею въ механикѣ, какъ и материалистическія аналогіи, грѣшитъ грубымъ непониманіемъ дѣла. Если на тѣло дѣйствуютъ нѣсколько силъ и сообщаютъ ему движеніе, мы можемъ себѣ представить, что такое движеніе могла бы сообщить одна сила (равнодѣйствующая составляющихъ силъ) и вычислить движеніе тѣла, какъ будто бы оно происходитъ подъ дѣйствіемъ одной силы. Но на самомъ дѣлѣ мыслимая равнодѣйствующая есть только фикція, субъективное представленіе, а не объективная дѣйствительность. Въ природѣ нѣтъ равнодѣйствующихъ. Никакіе обособленные элементы не сливаются въ природѣ въ одно цѣлое, они могутъ только представляться таковыми несовершенному глазу. Млечный путь кажется, но не есть одно цѣлое. Но въ физическомъ мірѣ сумма по крайней мѣрѣ производитъ большее дѣйствіе, чѣмъ образующія ее слагаемыя. Этого по-

ложенія нельзя прилагать къ психическому міру: сумма тяжестенныхъ психическихъ единицъ не больше ни одного изъ своихъ слагаемыхъ: знанія, чувствованія, стремленія у суммы будутъ тѣ же, что и у каждаго изъ слагаемыхъ. Попытка поставить повышеніе сознанія въ зависимость отъ взаимоотношенія психическихъ элементовъ дважды несостоятельна. Въ мірѣ физическомъ результатъ дѣйствій силъ стоитъ въ зависимости отъ взаимоотношенія силъ, отъ тѣхъ геометрическихъ угловъ, подъ которыми они дѣйствуютъ, но сложеніе сознающихъ элементовъ подъ какими угодно углами не можетъ вліять на результатъ сложенія (припомнимъ „Квартетъ“ Крылова). Затѣмъ и въ мірѣ физическомъ взаимоотношеніе, углы измѣняютъ только результатъ дѣйствій, а дѣйствующія силы остаются неизмѣнными, между тѣмъ какъ у насъ идетъ разсужденіе о дѣйствующемъ началѣ—душѣ, а не о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя она производитъ. Пытаются на мѣсто теоріи психическихъ атомовъ поставить теорію непрерывной, протяженной матеріи, снабженной кромѣ физической еще и психической энергіей. Такая теорія матеріи не можетъ быть принята современными физикой и химіей, гдѣ безраздѣльно царствуетъ механико-атомистическая гипотеза. Не должна допускать ее и психологія. Если и нѣтъ атомовъ, то во всякомъ случаѣ тѣла образуются изъ сложенія частей и изъ разложенія на части, такъ образуется и человѣческій организмъ; но такимъ путемъ, какъ показано, не могутъ происходить измѣненія въ психическомъ началѣ. Затѣмъ, и въ этой теоріи, какъ въ теоріи психическаго атомизма, самосознаніе въ концѣ концовъ представляется функціей геометрическаго взаимоотношенія образующихъ его элементовъ. Сгущеніе, разрѣженіе, принятіе тѣхъ или иныхъ криволинейныхъ формъ, образованіе черезъ взаимоотношеніе извилинъ (въ мозгу), вотъ, полагаютъ, условія, образующія самосознаніе. Но всѣ эти геометрическія комбинаціи сами по себѣ не могутъ производить ничего, какъ ничего не могутъ произвести и мысленныя геометрическія фигуры куба, параллелепипеда и т. п. Геометрическія комбинаціи только отражаютъ въ себѣ взаимоотношеніе дѣйствительно существующихъ элементовъ, но изъ одной геометріи безусловно невозможно построить даже матеріальнаго міра. Понятно, что геометрія не можетъ

создать и психическаго міра. Въ философіи всегда несравненно болѣе, чѣмъ матеріалистическій и гилозоистическій, былъ распространенъ пантеистическій взглядъ на душу. Съ точки зрѣнія пантеизма, душа—не сумма, а часть цѣлаго, каковое цѣлое только одно и безсмертно. Согласно пантеизму, существуетъ только Богъ. Міръ, съ его физической и психической стороны, есть только проявленіе божественной сущности. Отдѣльныя явленія, отдѣльныя лица въ мірѣ только временныя и измѣняющіяся проявленія Божества. Ихъ отношеніе къ Абсолютному подобно отношенію волны къ океану. На мгновеніе волна, подымавшаяся на поверхности, представляетъ собою нѣчто индивидуальное и самостоятельное, но проходитъ мгновеніе, и она опять исчезаетъ въ океанѣ, въ которомъ находилась и раньше. Такъ и человѣкъ. Проявляющееся въ немъ духовное начало отъ вѣка было частью Абсолютнаго Духа, на мгновеніе обособилось отъ него и приняло печать индивидуальности, чтобы потомъ послѣ недолгаго періода снова исчезнуть въ Абсолютномъ. Такое воззрѣніе пантеизма, говорятъ, удовлетворяетъ двумъ основнымъ требованіямъ человѣческаго духа: логическому стремленію къ единству (вселенная есть произведеніе единаго Абсолютнаго) и этическому стремленію къ единенію въ любви (все абсолютно соединено съ Абсолютнымъ). На самомъ дѣлѣ оно не удовлетворяетъ ни тому, ни другому. Разсматривая вселенную, какъ безконечное проявленіе безконечныхъ свойствъ Абсолютнаго, пантеизмъ лишаетъ возможности выяснить значеніе извѣстной намъ части міра во вселенной и опредѣлить отношеніе этой части къ цѣлому. Съ точки зрѣнія пантеизма, то проявленіе Безконечнаго, которое представляетъ собою извѣстный намъ звѣздный міръ, не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ этотъ міръ есть, безъ сомнѣнія, нѣчто крайне малое даже по отношенію ко многимъ конечнымъ частямъ вселенной, по отношенію же къ Безконечному онъ не болѣе, какъ нуль. Поэтому онъ не можетъ быть откровеніемъ свойствъ Безконечнаго. Непонятно также, какимъ образомъ множественность индивидуальностей и явленій можетъ быть откровеніемъ Единаго, и какимъ образомъ единое высшее (безконечное) бытіе можетъ распасться на множество бытій низшихъ (конечныхъ). Представляя процессъ міровой жизни безконечнымъ и вѣчнымъ,

пантеизмъ тѣмъ самымъ отрицаетъ всякій смыслъ (цѣль) у происходящихъ въ мірѣ явленій. Представляя все существующее проявленіемъ Абсолютнаго, пантеизмъ тѣмъ самымъ уничтожаетъ различіе между добромъ и зломъ и тѣмъ противорѣчитъ основному нравственному требованію человѣческаго духа. Представленіе Абсолютнаго самого въ себѣ у пантеистовъ всегда неясно и неопредѣленно. Но представленіе у нихъ Абсолютнаго въ отношеніи къ конечнымъ „я“ достаточно ясно для того, чтобы показать его несостоятельность. Психологія учитъ, что разложеніе единаго сознанія на множество частныхъ сознаній фактъ—столь же невозможный, какъ и образованіе одного сознанія изъ множества частныхъ сознаній. Всѣ сравненія пантеизма, напр., что абсолютное „я“ отражается въ конечныхъ „я“, какъ солнце отражается въ безконечномъ количествѣ капель воды, пагубны для пантеизма. Отраженія солнца въ водѣ мнимыя и обусловлены существованіемъ солнца внѣ и независимо отъ нихъ, конечныя „я“ суть дѣйствительность, и по теоріи пантеизма абсолютное „я“ только въ нихъ и реализуется, а само независимо не существуетъ (въ противномъ случаѣ это былъ бы не пантеизмъ, а теизмъ). Какъ изъ отдѣльныхъ сознаній путемъ суммированія не можетъ возникнуть единой личности, такъ часть сознанія никогда не можетъ стать самоопредѣляющеюся личностію. Въ общемъ ходѣ явленій предъ нами открывается законъ, что—чѣмъ тѣснѣе часть связана съ цѣлымъ, тѣмъ менѣе она можетъ претендовать на самостоятельное существованіе. Этотъ законъ можно констатировать въ біологіи, гдѣ на организмахъ мы видимъ, что наибольшая централизація частей соединяется у нихъ съ наименьшею самостоятельностью, и, наоборотъ, гдѣ слаба централизація, тамъ части болѣе обособлены между собою. Обращаясь къ теоріи, что человѣческія „я“ суть части абсолютнаго „я“, мы видимъ, что она стоитъ въ противорѣчій съ изложеннымъ біологическимъ закономъ. По теоріи связь нашего „я“ съ „я“ абсолютнымъ не только тѣсна, но неразрывна и неизмѣнна. Самостоятельность нашего „я“—какою бы ничтожною она ни была—стоитъ въ непримиримомъ противорѣчій съ этой теоріей. Наша душа не можетъ быть признана суммою цѣлыхъ. Остается одно предположеніе, что она есть нѣкое реальное цѣлое. Этимъ самымъ рѣшается

вопросъ о ея безусловномъ безсмертіи. Съ точки зрѣнія современной науки, въ природѣ ничто не уничтожается и не возникаетъ, а происходитъ только сложеніе и разложеніе элементовъ (единицъ) бытія. То, что не можетъ распасться на части, безсмертно; безсмертна, слѣдовательно, и наша душа. Но этимъ не рѣшается вопросъ о характерѣ безсмертія. Въ наблюдаемомъ нами мірѣ душа всегда является въ связи съ тѣломъ, и содержаніе ея сознанія безспорно находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ воздѣйствій на нее внѣшняго міра. Душа развивается въ мірѣ, ея сознаніе по мѣрѣ развитія становится болѣе яснымъ, но оно иногда можетъ почти и совсѣмъ угасать (наприм., въ обморокѣ). Можетъ быть, съ прекращеніемъ жизни тѣла сознаніе души угасаетъ совсѣмъ, и она не живетъ никакою жизнью, пока не вступитъ снова въ благопріятныя условія для своего развитія? Два рода фактовъ въ душевной жизни заставляютъ отрицать это предположеніе. Во 1-хъ, фактъ памяти. Память есть знаніе прошедшаго. Далеко не всегда и только немногое изъ пережитаго прошлаго мы можемъ свободно припоминать и вызывать въ поле сознанія. Но за всѣмъ тѣмъ психологія учитъ насъ, что ни одно изъ воспринятыхъ когда-либо нами впечатлѣній не можетъ быть забыто безусловно, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ каждое изъ нихъ можетъ явиться въ полѣ сознанія. Въ необыкновенныхъ случаяхъ жизни, въ смертной опасности, люди вспоминаютъ то, что, повидимому, ими было безусловно забыто. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что все пережитое душой хранится ею нерушимо, что, слѣдовательно, она никогда не можетъ снова стать *tabula rasa* и начать новый кругъ жизни. Только, очевидно, для того, чтобы душа могла сознательно и свободно располагать своимъ богатствомъ или по крайней мѣрѣ адекватно сознать его (что равняется полному знанію о себѣ), для этого нужны нѣкоторыя благопріятныя условія. Во 2-хъ, стремленіе души къ совершенствованію. Смыслъ жизни давно уже видятъ въ прогрессѣ. Должно дѣлать завоеванія въ области истиннаго, добраго и прекраснаго. Но эти завоеванія и самая жизнь могутъ имѣть смыслъ лишь подъ условіемъ загробнаго существованія. На землѣ человѣкъ никогда не узнаетъ полной истины и не увидитъ совершенной красоты. Чтобы его усовершенствовать

ніе въ добрѣ и исканіе истины имѣли смыслъ, нужно—чтобы существовала надежда, что они увѣнчаются успѣхомъ. Такимъ образомъ, разумность жизни обуславливается безсмертіемъ, а возможность разумной жизни—вѣрою въ безсмертіе. Если мы безсмертны, то нашимъ удѣломъ должна быть вѣчность.

Обыкновенно различаютъ два пониманія вѣчности: 1) подъ нею разумѣютъ безконечно продолжающееся время, безконечную сумму моментовъ, изъ которыхъ слагалось, слагается и будетъ слагаться прошедшее, настоящее и будущее. Говорятъ: міръ вѣченъ, разумѣя, что онъ всегда существовалъ и будетъ существовать, при чемъ процессъ существованія заключается въ постоянныхъ измѣненіяхъ, въ немъ происходящихъ, которыя измѣняются временемъ. 2) подъ вѣчностью разумѣютъ нѣчто противоположное времени, то, что не допускаетъ въ себѣ никакихъ измѣненій и въ чемъ поэтому нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго. Истинное бытіе, говорятъ, немыслимо существующимъ во времени. Во времени возможно лишь бваніе, становленіе. Процессъ существованія во времени заключается въ томъ, что предметъ или существо непрестанно переходятъ отъ одной формы бытія къ другой. Каждый отдѣльный моментъ имѣетъ своимъ содержаніемъ никогда не осуществимое стремленіе принять устойчивую форму. Такимъ образомъ, то, что живетъ во времени, характеризуется лишь стремленіемъ къ дѣйствительному существованію, къ дѣйствительному бытію, но оно лишь бываетъ, а не есть дѣйствительно. Понятія бытія и вѣчности оказываются совпадающими, и ясно, что предикаты дѣйствительно существующаго и вѣчнаго должны быть прилагаемы къ одному Богу. Только второе пониманіе вѣчности должно быть признано правильнымъ. Понятія перемѣнъ и вѣчности взаимно исключаютъ другъ друга. Въ сущности, даже отрицающіе бытіе Божіе и называющіе міръ вѣчнымъ разумѣютъ не то, что вѣчна солнечная система или вѣчно наклоненіе земной оси къ эклиптикѣ подъ угломъ въ 23°; а то, что вѣченъ неизмѣнный субстратъ міра—матерія или энергія, вѣчны неизмѣнные законы, управляющіе міровыми перемѣнами, т.-е. значить, вѣчно нѣчто не подлежащее условіямъ времени. Съ точки зрѣнія тѣхъ представителей эволюціонной философіи, которые не признаютъ существованія не-

измѣннѣхъ законовъ природы и неизмѣнности нормъ мышленія, не существуетъ ничего вѣчнаго и вѣчности, а есть лишь время. Если мы примемъ во вниманіе, что измѣненія въ проявленіяхъ субстрата, совершающіяся по необходимости, немислимы безъ измѣненій въ самомъ субстратѣ, то мы должны принять дилемму, что дѣйствительно вѣченъ или только Богъ, или нѣтъ ничего вѣчнаго. Но на самомъ дѣлѣ допустима и должна быть принята вѣра, что нѣчто, что не является вѣчнымъ само по себѣ, можетъ стать вѣчнымъ, т.-е., что стремленіе конечнаго существа принять окончательно устойчивую форму можетъ осуществиться, и тогда это существо изъ бывающаго станетъ дѣйствительно сущимъ. Ясное ученіе о вѣчности Божіей, выраженное хотя и не въ философскихъ терминахъ, но въ доступныхъ пониманію всякаго предложеніяхъ о неизмѣняемости и безконечной продолжаемости Божественнаго существованія, находится въ Библии и не находится ни въ книгахъ, ни въ преданіи, ни въ какой религіи, не имѣющей однимъ изъ своихъ источниковъ Библии. Классическій текстъ о вѣчности Божіей есть: „Я есмь Сущій“ (Исх. 3, 14; ср. Второз. 32, 40). О вѣчности Божіей говорится въ псалмѣ Моисея: „Предъ очима Твоима тысяча лѣтъ, какъ день вчерашній“ (Пс. 89, 5, см. тамъ же ст. 2). Въ 101 пс. (13 и 26—28), у пр. Исаи (40, 28; 41, 4; 43, 10; 44, 6; 48, 12; 57, 15), у пр. Іерем. 10, 10. Въ новомъ Завѣтѣ во 2 Петр. 3, 8, у ап. Павла 1 Тим. 1, 17 и 6, 16, въ Апокал. 1, 8 и 17; 4, 8—10; 11, 17. И вездѣ въ Священномъ Писаніи вѣчность Божія неизмѣнно и несомнѣнно предполагается. Въ языческихъ религіяхъ идея существа, не подлежащаго условіямъ времени, не находитъ себѣ яснаго выраженія, но въ языческой философіи эта идея формулируется и развивается очень рано. Уже элеаты своимъ ученіемъ о бытіи и бываніи много содѣйствовали выясненію взаимнаго отношенія понятій времени и вѣчности. Позднѣе Платонъ въ своемъ Тимеѣ формулируетъ ученіе объ этомъ взаимоотношеніи такимъ образомъ. Отецъ вознамѣрился создать вселенную по образцу существа вѣчнаго (идей). „Но природа-то этого существа дѣйствительно вѣчная, а это свойство сообщить вполнѣ существу рожденному было невозможно; тогда Онъ придумалъ сотворить нѣкоторый подвижный образъ вѣчности и вотъ, устроая заодно небо, со-

здаетъ пребывающій въ вѣчности вѣчный, восходящій въ числѣ образъ,—то, что называли мы временемъ. Вѣдь и дни, и ночи, и мѣсяцы, и годы, которыхъ до появленія неба не было,—тогда вмѣстѣ съ установленнымъ небомъ подготовилъ Онъ ихъ рожденіе. Все это—части времени, а что мы называемъ было и будетъ,—только рожденные его виды, которые мы безъ сомнѣнія неправильно переносимъ на вѣчную сущность. Мы вѣдь говоримъ: она была, есть и будетъ, но поистинѣ идетъ къ ней только есть, а было и будетъ прилично прилагаются собственно къ рожденію во времени. такъ какъ это—движенія; всегда неподвижно тождественному несвойственно являться во времени ни старѣе, ни моложе, ни быть происшедшимъ нѣкогда, ни произойти теперь, ни получить происхождение въ будущемъ,—не свойственно вообще то, что рожденіе придало бы предметамъ, движущимся въ области чувства, это все виды (лишь) подражающаго вѣчности и вращающагося по законамъ числа времени“ (Тимей. Д. 37—38, переводъ Карпова). У Аристотеля раскрыто ученіе о вѣчномъ бытіи, заключающемъ въ себѣ время (о небѣ) и о вѣчномъ неподвижномъ. Перводвижителѣ (въ 12-ой книгѣ Метафизики). Неоплатоники развивали о вѣчности мысли Платона. Плотинъ въ Эннеадѣ (3, 7, гл. 1, 2, 4). Прокль въ 11 комментаріи на Тимея. Изъ христіанскихъ мыслителей блаж. Августинъ первый далъ замѣчательное разсужденіе о времени, которое много способствуетъ пониманію вѣчности. Августинъ отмѣчаетъ, что мы измѣряемъ временемъ то, что уже не существуетъ, что прошло. Измѣряя въ произнесенномъ словѣ долгіе и короткіе слоги, мы измѣряемъ нѣчто исчезнувшее, улетѣвшее въ пространство. „Стало-быть, говорить Августинъ, я измѣряю не слоги, такъ какъ ихъ уже нѣтъ, нѣчто остающееся глубоко впечатлѣннымъ въ моей памяти, я измѣряю время въ духѣ своемъ.... я въ себѣ самомъ измѣряю впечатлѣніе, переживающее эту переходящую дѣйствительность. Его я измѣряю, когда измѣряю время: слѣдовательно, время есть не что иное, какъ такое впечатлѣніе, или оно неизмѣримо для меня“ (Исповѣдь, 6, 11). Это разсужденіе Августина подсказываетъ мысль о томъ, какъ время можетъ переходить въ вѣчность. Личный взглядъ автора настоящаго разсужденія тотъ, что отношенія по времени символизируютъ собою отношенія при-

чинности, предыдущее есть причина, послѣдующее — дѣйствіе (подробное выясненіе и обоснованіе этого взгляда см. С. Глаголева „Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной Церкви“, часть II, гл. 1, особенно 272—273 стр.). Во времени живетъ то, что имѣетъ внѣ себя причину своего происхожденія, существо въ своемъ развитіи можетъ зависѣть отъ многихъ причинъ и отъ себя самого. Результатъ дѣйствій этихъ разнообразныхъ причинъ не можетъ уничтожиться, ибо съ точки зрѣнія современной науки ничто не уничтожается; немислимо также, чтобы полученное въ результатъ духовное содержаніе могло на что-нибудь распасться или войти въ составъ чего-либо болѣе сложнаго. Всякій процессъ развитія долженъ предполагать для себя окончаніе, достиженіе предѣльнаго состоянія. Разумное существо или достигаетъ возможно полнаго развитія своихъ способностей въ идеальномъ направленіи или, наоборотъ, доидетъ до разрушенія въ своемъ духѣ всѣхъ идеальныхъ зачатковъ. При достиженіи этого предѣльнаго состоянія прекращается становленіе, бываніе, и утверждается бытіе. Имѣющая послѣ этого начаться неизмѣняемость не есть мертвенность. Мы обыкновенно отождествляемъ неизмѣняемость съ безжизненностію, потому что жизнь доступная нашему наблюденію при настоящихъ условіяхъ представляетъ собою непрерывную цѣпь измѣненій, но анализъ раскрываетъ намъ, что эта теперь единственно доступная нашему пониманію жизнь не есть жизнь истинная, это—только стремленіе къ истинной жизни; перемѣны, которыхъ ищетъ человѣкъ, это—ступени, по которымъ онъ хочетъ подняться къ тому, что неизмѣнно. Въ этомъ мірѣ не можетъ быть достигнуть этотъ предѣлъ, потому что этотъ міръ въ своемъ настоящемъ видѣ есть только совокупность условій для развитія разумныхъ существъ, а не блаженный удѣлъ для достигшихъ идеальнаго развитія. Для нихъ міръ долженъ преобразоваться, и они сами вступятъ въ него преобразованными.

Провидѣніе. Всѣ изложенные постулаты утверждаются на вѣрѣ въ цѣлесообразность мірового процесса. Если міръ есть *perpetuum mobile* безъ нравственныхъ цѣлей и безъ нравственныхъ принциповъ, то нѣтъ чести и смысла быть гражданиномъ этого міра. Человѣчество никогда не принимало

и не приметъ этого печальнаго воззрѣнія механистовъ, оно живетъ вѣрою въ разумность міра и старается дѣятельность своего разума сообразовать съ тѣмъ, что подсказываетъ и открываетъ ему разумъ высшій, разумъ всеобщій. Вѣря въ разумность міроваго процесса, человѣчество тѣмъ самымъ вѣритъ, что этимъ процессомъ управляетъ разумъ. Считая себя существомъ свободнымъ, человѣкъ полагаетъ, что его отношенія къ разуму, управляющему міромъ, не суть отношенія необходимости, но отношенія свободы. Высшій разумъ указываетъ человѣчеству путь, по которому нужно идти къ блаженной цѣли, даетъ средства для того, чтобы люди могли идти по этому пути, но не влечетъ насильно человѣчество, народы или даже индивидуумы на этотъ благой путь. Эту дѣятельность Высшаго Разума человѣчество называетъ *провидѣніемъ*. Признаютъ ли люди или отрицаютъ провидѣніе, въ своихъ дѣлахъ и мысляхъ они всегда руководятся вѣрою въ него—вѣрою въ конечное торжество истины и правды. Эта вѣра въ своемъ развитіи есть вѣра въ то, что существуетъ высшій міръ, управляемый Высшимъ Разумомъ, и что этотъ высшій міръ помогаетъ намъ въ нашихъ благихъ начинаніяхъ. Эта вѣра есть необходимый постулатъ разумной дѣятельности и находитъ для себя основанія въ самонаблюденіи и наблюденіи, и къ ней приводятъ выводы изъ всѣхъ научныхъ попытокъ истолковать міровую жизнь. Самонаблюденіе показываетъ человѣку, что онъ дѣйствуетъ свободно, свободно обсуждаетъ вопросы, свободно производитъ движенія, но съ другой стороны—тоже самонаблюденіе открываетъ ему, что онъ совершенно не знаетъ, какъ онъ дѣйствуетъ. Онъ размышляетъ и однако безусловно не представляетъ, какъ дѣйствуетъ механизмъ его мысли; онъ поднимаетъ руку, но онъ не знаетъ ни импульса, какимъ производитъ это поднятіе, ни процесса, которымъ достигаетъ его результата. Чего человѣкъ не знаетъ относительно себя, того тѣмъ болѣе онъ не знаетъ относительно того, что внѣ его. Пусть относительно себя каждый прослѣдитъ за своею мыслию, пусть попытается произвести самое простое ариѣметическое вычисленіе, и онъ тотчасъ увидитъ, какъ въ этомъ простомъ процессѣ для него много темнаго. Что касается до дѣйствій физическихъ и до дѣйствій внѣшней среды, если наука и схватила, то она схватила лишь послѣдова-

тельность фактовъ, притомъ она только обрисовываетъ нѣкоторые моменты этой послѣдовательности и изображаетъ ихъ въ неполныхъ картинахъ. Между тѣмъ каждый изъ насъ вступаетъ въ соотношенія съ внѣшнимъ міромъ. Мы не только не знающіе внѣшняго міра, но безусловно не знающіе и насъ самихъ, однако создаемъ рѣшенія относительно этого міра и достигаемъ благопріятныхъ результатовъ. *Quod nescis, quomodo fiat, id non facis*—чего ты не знаешь, какъ дѣлается, того ты не дѣлаешь, говорилъ Гейлинксъ, т.-е. разъ я не понимаю, какъ я произвожу разумные процессы, то, значить, не я произвожу ихъ, значить—разумная Причина создала меня такъ, что мои волевые импульсы осуществляются въ физическихъ или психическихъ актахъ. Нѣчто высшее создало нашъ организмъ повинующимся нашимъ рѣшеніямъ, и такъ какъ мы свободны, то должно думать, что это нѣчто высшее постоянно руководить нами. При фактѣ свободы фактъ прогресса утверждаетъ то же самое. Въ послѣдующемъ не можетъ быть больше, чѣмъ въ предыдущемъ, если это большее не будетъ подано свыше. Такъ должно полагать, что существуетъ высшій міръ. Вѣра въ существованіе высшаго міра, который не можетъ оставаться и не остается безучастнымъ къ нашимъ попыткамъ подниматься выше въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, является логическимъ выводомъ изъ всякаго міропостроенія. Если бы философы и ученые въ вопросахъ о религіи такъ же цѣнили *deductio ad absurdum*, какъ этотъ приѣмъ цѣнится въ геометріи, они признали бы, что существованіе высшаго міра—хотя бы и не открывающагося намъ—имѣетъ за собою неоспоримыя доказательства. Нашъ разумъ выясняетъ намъ съ несомнѣнностію, что возможенъ разумъ несравненно высшій, чѣмъ нашъ. Но если онъ возможенъ, то онъ дѣйствителенъ. Процессъ міровой жизни имѣетъ за собою безконечное прошлое, и потому въ немъ должны были осуществиться всѣ возможности. Сущность телеологическаго доказательства бытія Божія нерѣдко формулировали въ словахъ Цицерона, который говорилъ, что случай точно такъ же не могъ образовать благоустроеннаго міра, какъ изъ наудачу брошенныхъ буквъ онъ не могъ образовать лѣтописей Эвнія. Противъ этого разсужденія выдвигаютъ принципы вѣроятности и эволюціи. Если броситъ на-удачу буквы, изъ

которыхъ состоятъ лѣтописи Эннiя, то совершенно безразсудно ожидать, что они сложатся въ стройные ряды, въ которые ихъ нѣкогда уложила мысль Эннiя. Это вѣрно, но если ежечасно бросать эти буквы въ теченiе нѣсколькихъ миллионовъ лѣтъ, то вѣдь тогда въ ряду тѣхъ комбинацiй, въ которыя будутъ вступать эти буквы, должна непременно оказаться и Эннiева и при томъ даже безъ тѣхъ описокъ, которыя допустилъ авторъ, и безъ тѣхъ корректурныхъ ошибокъ, которыя допускаются обыкновенно типографiями. Эмпедоклъ сказалъ: въ природѣ сохраняется только цѣлесообразное. Въ природѣ возникаютъ всевозможныя комбинацiи, но естественный отборъ,—говорятъ теперь,—сохраняетъ приспособленныя къ средѣ. Разумъ, разъ явившись, цѣлко хватается за жизнь и стремится сохраниться и умножиться. Но конечно не на землѣ и не въ лицѣ человѣка впервые засвѣтился этотъ разумъ во вселенной. Трильоны и квадрильоны вѣковъ назадъ онъ долженъ былъ существовать. Этотъ разумъ, конечно, долженъ былъ дѣлать то, къ чему теперь стремится разумъ человѣческiй — препобѣждать природу и подчинять ее себѣ. И онъ имѣлъ у себя совершенно достаточно времени для того, чтобы достигнуть какихъ-угодно цѣлей въ этомъ направленiи. Зачѣмъ намъ мечтать о Uebermensch'ѣ? Миллионы вѣковъ тому назадъ онъ уже существовалъ во вселенной. Уоллэсъ почти такой же творецъ дарвинизма, какъ и самъ Дарвинъ, развивая дарвинистическую теорiю до ея послѣднихъ логическихъ выводовъ, приходитъ къ заключенiю, что существуетъ невидимый духовный мiръ и что этотъ невидимый духовный мiръ былъ тѣмъ Провидѣнiемъ, которое путемъ постепеннаго развитiя произвело человѣка отъ животныхъ типовъ и теперь ведетъ его по пути развитiя и усовершенствованiя. Теоретическiя соображенiя и факты привели Уоллэса къ такому воззрѣнiю. Если за биллионы вѣковъ до возникновенiя земли процессъ эволюцiи совершался во вселенной, то ясно, что за биллионы вѣковъ до существованiя человѣка должны были быть существа, обладающiя разумомъ въ неизмѣримо высшей степени, чѣмъ культурнѣйшiй человѣкъ XX вѣка. Конечно, эти существа давно должны были найти средства для свободнаго перемѣщенiя въ междупланетныхъ пространствахъ. Мiръ этихъ существъ Уоллэсъ представляетъ невидимымъ. II какъ этотъ

міръ, такъ и этотъ признакъ у этого міра должны признать эволюціонисты, если пожелаютъ быть логичными. Тѣ знанія, которыми мы располагаемъ, ясно раскрываютъ намъ, что при болѣе обширныхъ знаніяхъ и мы могли бы становиться невидимыми, когда бы захотѣли. Такимъ образомъ существа высшаго типа, находя ненужнымъ и бесполезнымъ для насъ открывать себя намъ, могутъ неуволимо и незримо вмѣшиваться въ нашу жизнь и содѣйствовать нашему благу. По мнѣнію Уоллеса, факты и доказываютъ, что человѣкъ не могъ произойти отъ животныхъ исключительно путемъ естественнаго подбора, и поэтому должно признать, что высшія существа сознательно, разумно и постепенно преобразовывали физическую и духовную организацію животныхъ для того, чтобы произвести человѣка. Русскіе переводчики книги Уоллеса (Вагнеръ и Мензбиръ) энергично отрицаютъ участіе разума въ дѣлѣ происхожденія человѣка. Не будемъ съ ними спорить объ этомъ, но думаемъ, что съ ихъ точки зрѣнія должно быть признано безспорнымъ слѣдующее. Представимъ себѣ возможно совершенный разумъ, возможно совершенное знаніе наилучшихъ цѣлей и средствъ, возможно совершенное знаніе міра. Съ эволюціонной точки зрѣнія такой разумъ необходимо существуетъ. На самомъ дѣлѣ, вѣдь разумъ, какъ и матерія, эволюционируетъ отъ вѣчности, и слѣдовательно, какъ бы далеко мы мысленно ни отодвигались въ прошлое—на билліоны и триллионы вѣковъ,—мы неизбежно должны мыслить, что совершенный разумъ уже существовалъ въ то отдаленное время. А между этимъ разумомъ и человѣкомъ эволюціонный процессъ долженъ былъ создать безчисленное количество существъ по своему разуму выше человѣка и ниже высшаго разума. Продуктомъ эволюціи долженъ явиться высшій разумный міръ, но такъ какъ эволюціонный процессъ существовалъ отъ вѣчности, то, слѣдовательно, высшій духовный міръ существовалъ всегда.

Этотъ выводъ съ неизбежностью вытекаетъ изъ эволюціонной теоріи, но не трудно понять, почему онъ обыкновенно не высказывается или даже прямо отрицается. Дикарь древнихъ эпохъ, какъ и современный некультурный человѣкъ, видитъ себя повсюду окруженнымъ духовнымъ высшимъ міромъ, онъ видитъ себя окруженнымъ отовсюду домовыми, нимфами, русалками, лѣшими, водяными,—въ сумракѣ пе-

щеры, въ тѣни лѣса, въ глубинѣ воды, вездѣ онъ чувствуетъ присутствіе притаившихся разумныхъ и сильныхъ существъ. Но люди, которые проникли въ трудно-проникаемая мѣста и разсѣвали тѣни, скрывавшія то, что находилось въ этихъ мѣстахъ, неизмѣнно встрѣчали пустоту—отсутствіе разумныхъ высшечеловѣческихъ существъ. Это происходило постоянно и результатъ наблюденій въ теченіе тысячелѣтій давалъ твердое основаніе для индукціи, что таковыхъ существъ въ подобныхъ мѣстахъ и нѣтъ. Выѣстъ съ тѣмъ, двигаясь непосредственно (на землѣ) или только наблюденіемъ (въ сферахъ небесныхъ пространствъ) въ глубь и въ ширь, человѣкъ убѣждался непрестанно въ неизмѣримости матеріальнаго міра. Люди не встрѣтили еще существа выше человѣка, но они знаютъ міры несравненно больше земли. Какъ же можно говорить о бытіи высшихъ существъ и вѣрить въ нихъ? Признавая психологическую силу даннаго аргумента, должно однако отвергнуть его логическое значеніе. Легко находить дешевое, но трудно находить дорогое. И потомъ, какимъ методомъ въ томъ или другомъ случаѣ должно искать послѣднее? Очень можетъ быть, что тигры, не встрѣчая въ своихъ джунгляхъ людей, перемѣщались, отыскивали новыя терри-торіи, скрывались въ новыхъ засадахъ, но люди отступали отъ нихъ, и въ новыхъ мѣстахъ тигры не находили ихъ, какъ не находили въ прежнихъ. Люди скрывались. Тигръ могъ идти прямо на селеніе въ прямомъ расчетѣ тамъ встрѣтить людей, но опытъ научилъ тигровъ, что, кто изъ нихъ шелъ въ селеніе, тотъ уже не возвращался. Люди, конечно, не тигры, но высшія существа совсѣмъ по инымъ побужденіямъ могутъ уклоняться отъ встрѣчи съ людьми и по отношенію къ людямъ дѣлать имъ это можетъ быть несравненно легче, чѣмъ людямъ по отношенію къ тиграмъ. До времени людямъ быть можетъ не должно знать тайнъ высшаго міра. Люди должны самостоятельно жить, развиваться и усовершенствоваться на землѣ. Высшее водительство и высшая помощь подаются имъ неосызаемо и незримо, и только для людей, по своимъ духовнымъ качествамъ приближающихся къ высшему міру, она открывается болѣе явно. Спириты полагаютъ, что путемъ какихъ-то нелѣпыхъ манипуляцій можно установить правильное общеніе между міромъ живыхъ и умершихъ. Но, вѣдь, если бы было такъ, тогда стерлась бы

грань, отдѣляющая земную жизнь отъ нездѣшняго міра, исчезъ бы священный ужасъ, окружающій смерть, жизнь на землѣ, какъ воспитательный процессъ, потеряла бы значеніе. Поэтому высшія существа обыкновенно не открываются людямъ, они невидимо содѣйствуютъ человѣчеству подниматься выше и выше, и открываются лишь представителямъ нравственнаго авангарда человѣчества, которые утвержденные въ своей вѣрѣ этими откровеніями сообщаютъ ихъ двигающимся за ними.

По теоріи эволюціи необходимо выходить, что Высшій Разумъ и высшій міръ должны явиться, такъ сказать, продуктомъ эволюціоннаго процесса. Но эволюціонная теорія предполагаетъ міровой процессъ совершающимся отъ вѣчности, тогда значитъ вѣчно существовалъ и Высшій Разумъ и высшій духовный міръ, и эволюціонной теоріи немедленно подсказывается выводъ, что должно переставить причины и слѣдствія, что Высшій Разумъ есть не продуктъ, а причина процесса, въ составъ котораго входитъ образованіе низшаго и высшаго міра. Никто не можетъ дать того, чего не имѣетъ самъ, и причиною разума, явившагося и развивающагося въ мірѣ, можетъ быть лишь Разумъ Высшій. Но этотъ выводъ слѣдуетъ не изъ эволюціонной только, а изъ всѣхъ возможныхъ теорій за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, авторы которыхъ нуждаются не въ научныхъ наставленіяхъ, а въ заботахъ психіатровъ. На самомъ дѣлѣ извѣстный намъ міръ есть психо-физическій. Онъ есть или созданіе Божіе или самодовлѣющій процессъ. Допустимъ послѣднее. Тогда нашъ міръ безконеченъ и вѣченъ и, понятнѣе, по обѣимъ своимъ сторонамъ—психической и физической, но тогда Высшій Разумъ, какъ его продуктъ, въ немъ долженъ быть осуществленъ и затѣмъ опять необходимо должно принять постановку, что не Высшій Разумъ осуществленъ міромъ, а Высшій Разумъ осуществляетъ міръ.

Этотъ выводъ и есть то самое, во что всегда вѣрило человечество: есть Богъ, есть высшій духовный міръ, есть Провидѣніе, т.-е. непосредственное воздѣйствіе Божіе и высшаго міра по волѣ Божіей на земную жизнь. Явныя проявленія Провидѣнія называются чудесами. Они представляютъ собою вмѣшательство высшихъ силъ въ обычно-законосообразную земную жизнь, совершенно аналогичное вмѣшательству

человѣка въ жизнь природы. Человѣкъ устраняетъ препятствія для роста дерева, устраняетъ причины засоренія рѣки, гибели рыбъ. Высшая Воля устраняетъ препятствія для здороваго существованія человѣка, уничтожая микро-организмы, охраняетъ его благополучіе, препятствуетъ другимъ людямъ вредить ему. Говорятъ о ненаучности вѣры въ чудеса, говорятъ, что наука въ лучшемъ случаѣ, допуская вѣру въ нихъ, сама безусловно не должна принимать ихъ въ соображеніе. Это совершенно подобно тому, какъ если бы сказали, что происхожденіе Сент-готардскаго туннеля нужно всецѣло объяснять изъ естественныхъ геологическихъ условий мѣстности и нужно совершенно игнорировать, что онъ есть искусственное человѣческое произведеніе. Задача науки, если она дѣйствительно ищетъ истины, состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлять всѣ факторы и долю участія каждаго фактора въ явленіи. Если наука покажетъ, что извѣстное явленіе всецѣло произведено естественными факторами (что едва ли когда можно доказать), то вѣрующій обязанъ отказаться отъ своей вѣры въ участіе высшаго фактора въ явленіи. Если, наоборотъ, наука констатируетъ, что фактъ не можетъ быть всецѣло объясненъ изъ естественныхъ факторовъ (подобное констатированіе, вообще говоря, несравненно легче, чѣмъ констатированіе обратнаго), то она должна принять и можетъ даже въ нѣкоторой мѣрѣ опредѣлить и характеризовать участіе въ немъ фактора сверхъестественнаго. Такимъ образомъ, сверхъестественное можетъ быть устранено изъ науки не во имя какихъ-либо общенаучныхъ принциповъ, а единственно во имя метафизическаго принципа, что сверхъестественнаго не существуетъ. Если оно существуетъ, наука обязана его констатировать.

Говорятъ о какомъ-то различіи вѣроисповѣдной и научной точки зрѣнія, о разграниченіи области вѣры и науки въ дѣлѣ изслѣдованія явленій. Это—рѣчи или грубо лицемѣрныя и лукавыя (за которыми скрывается отрицаніе сверхъестественнаго) или болѣе, чѣмъ наивныя.

Это жалкая теорія двойной истины, руководясь которой, человѣкъ, входя въ храмъ, отрицаетъ науку, а входя въ университетскую аудиторію, отрицаетъ религію. Нѣтъ; если въ храмѣ истина, то университетская аудиторія должна вести въ него, а если въ храмѣ ложь, то должно разрушить храмъ.

Говорятъ еще, что самое представленіе Высшаго Разума, абсолютнаго Добра заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, что возможность бытія Божія отрицаютъ наука и философія. Правда, ни наука и ни философія не показали Бога духовнымъ очамъ человѣчества. Наука въ изслѣдуемой ея дѣйствительности постоянно находила противорѣчивую множественность. Силы природы представлялись изслѣдованію то злыми, то добрыми. Солнце посылаетъ то живительную теплоту, то иссушающій зной; дождь то содѣйствуетъ произрастанію растений, то препятствуетъ созрѣванію плодовъ. Производя и размножая созданія, природа сама же и уничтожаетъ и убиваетъ ихъ. Отсюда—выводъ о равнодушіи природы и объ отсутствіи цѣлей въ круговоротъ жизни. Принявъ этотъ выводъ, наука должна ограничить свой предметъ изученіемъ послѣдовательности и связи феноменовъ и отказаться отъ мысли выходить изъ временно пространственныхъ условій въ трансцендентную область. Философія въ своихъ изслѣдованіяхъ изначала руководствовалась логическимъ стремленіемъ къ единству. Это стремленіе побуждало ее мыслить бытіе,—какъ единое цѣлое, и всѣ явленія міра разсматривать, какъ обнаруженіе одного начала. Какъ и всѣ люди, философы предпочитаютъ добро злу и красоту безобразію, поэтому имъ хотѣлось вѣрить и они учили, что абсолютное начало, проявленіемъ котораго служить міръ, есть и высочайшее благо и высочайшая красота. Но если все есть проявленіе единаго, тогда и все то зло, которое знаетъ исторія человѣчества, и всѣ разрушительныя дѣйствія стихій должны быть разсматриваемы, какъ его законное проявленіе. Этотъ выводъ бросалъ мрачную тѣнь на грезы идеалистической философіи, и философія была не въ силахъ ее устранить. Стремленія человѣка къ истинѣ, добру и красотѣ, исканіе правды найдутъ ли себѣ откликъ и удовлетвореніе свыше? На этотъ вопросъ не могли дать отвѣта ни наука, ни философія. На него отвѣчаетъ откровенная религія ученіемъ о Богѣ. У вселенной есть Отецъ, Который произвелъ ее силой Своей всемогущей любви, ничѣмъ не умаливъ чрезъ это Своей безконечной полноты. Надѣливъ созданія Имъ твари различнѣйшими дарами, Онъ далъ тварямъ разумнымъ наилучшій и наивысочайшій даръ—свободу, способность самоопредѣленія, въ нѣкоторомъ смыслѣ

способность духовнаго самосозданія. Свободное слѣдованіе высочайшимъ стремленіямъ духа (къ познанію истины, исполненію добра, установленію гармоніи—царства мира—въ мірѣ) встрѣчаетъ себѣ помощь и содѣйствіе Небеснаго Отца; противленіе этимъ стремленіямъ есть отчужденіе отъ истинно-блаженной жизни, это—та тѣнь зла, которая лежитъ на мірѣ и которая сама въ себѣ носитъ зародышъ собственной гибели и смерти. Такъ, откровенная религія учитъ: есть Богъ—абсолютно-свободная личность, безконечная сила (самопричина и причина всего), совершенный разумъ и безграничная любовь. Ни въ одной изъ естественныхъ религій нѣтъ такого представленія о Богѣ. Многообразіе явленій природы и стремленіе воображенія къ многообразію раздробило тамъ образъ единаго Божества, олицетворяя каждый изъ атрибутовъ Бога и противопоставляя, какъ самостоятельныя лица, различныя проявленія Его божественной силы (благодѣтельныя и карающія). Стремленіе къ единству сливало эти олицетворенныя образы божественныхъ свойствъ между собою и съ міромъ, и такъ политеизмъ становился вмѣстѣ съ тѣмъ пантеизмомъ. Философія приняла откровенное ученіе о Богѣ, но часто въ своихъ попыткахъ осмыслить и выяснить его она искажала его, на мѣсто живаго Бога-Отца она ставила какую-то блѣдную абстрактную тѣнь совершенства и утверждала, что это и есть истинный Богъ, а что Богъ откровенной религіи есть образъ, заключающій въ себѣ непримиримыя внутреннія противорѣчія. Каждое изъ свойствъ Божіихъ она отрицала въ Богѣ, какъ недопустимое въ безконечномъ. Относительная истинность такихъ философскихъ отрицаній заключается въ томъ, что ни въ какихъ словахъ и понятіяхъ несовершеннаго языка и разума человѣческаго не можетъ быть выражена адекватнымъ образомъ сущность Божества. Но ложь и зло этой философіи заключается въ томъ, что она возможно полное и живое представленіе Бога пытается замѣнить ни на что не нужными и ничего въ себѣ не заключающими абстракціями. Богъ есть абсолютная личность. Такое опредѣленіе, говорятъ, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Личность—„я“—непремѣнно должна быть бытіемъ конечнымъ, ограниченнымъ. Бытіе „я“ предполагаетъ собою, какъ свое необходимое условіе, бытіе „не—я“, и мыслить свое „я“ можно, только противопоставляя его „не—я“. Такимъ

образомъ, Богъ, чтобы быть и мыслить Себя личностью, долженъ имѣть нѣчто внѣ Себя, нѣкое инобытіе. Но тогда Онъ оказывается зависимымъ, а не абсолютнымъ. Такія соображенія многимъ представлялись очень сильными, и замѣчательно, что нѣкоторые, несомнѣнно благочестиво настроенные мыслители (Мальбраншъ, Фенелонъ, Боссюэтъ) никогда въ опредѣленіяхъ Бога не употребляли терминъ „личности“. Но что такое „личность“ и „я“? Въ приложеніи къ человѣку психологія употребляетъ эти термины въ различныхъ значеніяхъ, однако, вообще будетъ справедливо сказать: „я“ есть совокупность всего, мнѣ неотъемлемо принадлежащаго. Мысль о „я“ есть мысль о принадлежащемъ мнѣ, какъ о моемъ. Изъ такого опредѣленія „я“ вытекаетъ дѣйствительно зависимость конечнаго „я“ по происхожденію, развитію и мысли отъ „не—я“. Конечное „я“ не можетъ быть самобытнымъ, въ развитіи его играютъ роль фактора воздѣйствія внѣшняго міра. Сознаніе человѣкомъ своего „я“, его самосознаніе развивается постепенно. Процессъ развитія личности есть процессъ самопознанія и самоосвобожденія. Чѣмъ болѣе развивается человѣкъ, тѣмъ болѣе приобретаетъ полное и богатое содержаніемъ представленіе о своей личности и тѣмъ независимѣе чувствуетъ себя его „я“. Личность есть начало—самоопредѣляющее и самосознающее, и по мѣрѣ развитія человѣкъ чувствуетъ себя болѣе способнымъ къ самоопредѣленію и обладающимъ болѣе глубокимъ самосознаніемъ. Но оставаясь ограниченнымъ, человѣкъ никогда не можетъ приобрести способности безусловнаго самоопредѣленія. Его самоопредѣляемость ограничиваетъ весь міръ, начиная съ его собственнаго тѣла. Равнымъ образомъ, какъ бы ни было развито самосознаніе человѣка, оно никогда не отражаетъ въ себѣ полного образа его „я“. Человѣкъ никогда не можетъ объять всѣхъ сокровенныхъ изгибовъ своего духа и проникнуть своимъ самосознаніемъ въ его глубочайшую сущность. Вотъ почему личность человека должна быть признана несовершенною, ограничевною. Однако, будучи несовершенною, она является отображеніемъ личности совершенной, абсолютной. По своему бытію абсолютная личность не зависитъ ни отъ чего внѣшняго. Совокупность божественныхъ свойствъ существуетъ вѣчно и неизмѣнно. „Я“ абсолютнаго есть представленіе божествен-

ныхъ свойствъ и силъ, какъ принадлежащихъ этому „я“, представление, адекватное этимъ свойствамъ и силамъ. Какъ бытіе абсолютнаго, такъ и самопредставленіе абсолютнаго не нуждается ни въ чемъ внѣшнемъ. Представленіе абсолютнаго личностью сообщаетъ Ему опредѣленность. Но говорить, опредѣлять,—значить полагать предѣлы, ограничивать. Это возраженіе есть филологическая игра словами. Опредѣлять не значитъ ограничивать, а значитъ—указывать признакъ. Абсолютное нельзя мыслить неопредѣленностью, раскрытіемъ которой является нашъ опредѣленный, подлежащій измѣреніямъ міръ. Если бы абсолютное было неопредѣленностью, то ничто бы не могло превратить его въ опредѣленный міръ: потенциальная энергія сама собою никогда не можетъ перейти въ кинетическую. Нужно будетъ допустить еще существованіе какого-то Начала, управляющаго самымъ абсолютнымъ, но этого допустить нельзя; поэтому должно принять, что абсолютное не есть неопредѣленность, но полнота опредѣленности. Оно само опредѣляетъ себя, какъ безусловное бытіе, не подлежащее никакой внѣшней зависимости, само опредѣляетъ законы своего бытія и сознаетъ себя, какъ абсолютную, безусловно-свободную личность. Понятіе свободы хотятъ тоже признать несомвѣстимымъ съ понятіемъ абсолютнаго. Свобода предполагаетъ собою размышленіе, рефлексію, колебаніе между различными рѣшеніями, выборъ между добромъ и зломъ. Въ средневѣковой схоластической философіи былъ поставленъ вопросъ: Богъ есть ли первоначально и прежде всего воля такъ, что Его разумъ и законы разума суть раскрытіе и выраженіе этой воли, или, наоборотъ, Его воля подчинена разуму? Тома Аквинатъ склонялся къ послѣднему отвѣту, и у него въ сущности выходило, что воля Божія есть необходимое выраженіе Его разума. Но Богъ есть совершенство, само становящееся совершенствомъ, равно само утверждающее и свой разумъ и опредѣляющее свою волю. Свобода конечныхъ существъ не безусловна и ограничена. Свободныя дѣйствія суть тѣ, которыя нельзя представить, какъ необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ условій. Но, понятно, въ свободныхъ дѣйствіяхъ конечныхъ существъ всегда неизбѣженъ значительный элементъ необходимости. Человѣкъ стоитъ въ зависимости отъ внѣшняго міра, отъ своей огра-

ниченной природы, отъ своего незнанія цѣлей и средствъ. Этихъ условій не-свободы нѣтъ въ абсолютномъ. Человѣкъ только постепенно прибрѣтаетъ бѣольшую и бѣольшую свободу. Усовершенная нравственно, онъ становится независимѣе отъ своей низшей природы; расширяя свой кругозоръ, онъ увеличиваетъ количество представляемыхъ имъ возможныхъ разумныхъ дѣятельностей. Абсолютное вѣчно существуетъ, независимо ни отъ какого инобытія; средства, которыми оно владѣетъ для достиженія цѣлей, и цѣли, которыя оно можетъ себѣ полагать, безконечны по числу. Абсолютное есть полнота самоопредѣляющагося бытія. Имѣя абсолютную волю, Богъ имѣетъ безконечную силу, владѣетъ всемогуществомъ. Представленіе Бога, какъ безконечной силы, вообще не оспаривается, но очень часто понимается неправильно и неясно. Собственно всякая сила въ природѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть названа безконечной. Сила притягивающей точки безконечна по сферамъ своего дѣйствія, ибо ея дѣйствіе—какъ бы оно ни было ничтожно—мыслится нами простирающимся на всю безконечную вселенную. Въ центрѣ своего дѣйствія она безконечна и по напряженности дѣйствія, какъ показываетъ вычисленіе. Что справедливо о точкѣ притягивающей, то справедливо о точкѣ свѣтящейся и т. д. Но безконечная напряженность (интенсивность) силы въ точкѣ есть мнимая, ибо точка есть нуль пространства, въ дѣйствительности—всѣ являющіяся въ мірѣ силы въ самомъ ограниченномъ объемѣ конечны по своей интенсивности, и это свидѣтельствуетъ о конечности физическаго міра. Безконечною силою будетъ та, которая безконечна вездѣ по своей напряженности (вычисленіе и размышленіе показываютъ намъ, что если бы какая-либо сила была безконечна въ какомъ угодно маломъ объемѣ, то она была бы безконечной и во всей вселенной). Такой силы не знаетъ міръ. Такую силу мы мыслимъ принадлежащую Богу. Три признака мыслятся въ представленіи божественной силы: во 1) абсолютная свобода: божественная сила можетъ и производить и не производить дѣйствія, можетъ производить все, что ей благоугодно; во 2) всѣ начала, образующія вселенную, произведены этою божественною силою; въ 3) вселенную нельзя разсматривать по отношенію къ божественной силѣ, какъ явленіе по отношенію

къ сущности. Никакое конечное бытіе не можетъ быть обнаруженіемъ или проявленіемъ божественной сущности. Человѣкъ создаетъ идею предмета, но матеріаль и силы для его созданія онъ беретъ извнѣ. Божественная мысль есть сила, дающая бытіе тому, что мыслить бытіемъ. Божественная мысль представляетъ конечное живое разумно-свободное существо, и это существо силою божественнаго представленія живетъ и дѣйствуетъ свободно. Вотъ почему нѣкоторые благочестивые мыслители говорили, что міръ пересталъ бы существовать, если бы Богъ пересталъ его мыслить существующимъ (сравни. Дѣян. 17, 28). Такъ, представленіе божественной силы соединяется съ представленіемъ божественнаго мышленія. Богъ есть совершенный разумъ. Человѣческое мышленіе ограничено по своему матеріалу (представляющему собою то, что открывается духу человѣка), по своимъ приѣмамъ (онъ постоянно пользуется фикціями, каковы: общія понятія,—наприм. люди,—системы—въ природѣ нѣтъ системъ,—теорія измѣренія,—наприм. числа въ природѣ нѣтъ тождественныхъ предметовъ, а числа предполагаютъ тождество), по своимъ результатамъ (добытое имъ познаніе никогда не обнимаетъ всецѣло познаваемый предметъ, никогда не проникаетъ до его сущности). Божественное познаніе знаетъ вещи таковыми, каковы онѣ суть, адекватно вещамъ; не пользуется никакими логическими приѣмами нашего конечнаго мышленія. Это подало поводъ къ отрицанію мышленія въ абсолютномъ. На самомъ дѣлѣ въ абсолютномъ должно только отрицать недостатки конечнаго мышленія. Божественное мышленіе само создаетъ матеріаль для своей мысли, мыслить всѣ безконечныя возможности; что мыслить дѣйствительностью, то и становится дѣйствительностью; мыслить всѣ возможныя средства и всѣ возможныя цѣли. Философія первыхъ вѣковъ христіанства усвояла иногда божественному мышленію наименованіе *ἐπερότης*. Съ совершеннымъ разумомъ въ Богѣ соединяется безграничная любовь. Любовь есть услажденіе блаженствомъ или счастьемъ любимыхъ существъ. Что счастье конечныхъ тварей, которыя любятъ Богъ, не увеличиваетъ самоуслажденія безконечной любви, это понятно, ибо безконечное нельзя увеличить. Но выдвигаютъ другое возраженіе. Говорятъ: любовь абсолютнаго не можетъ себѣ находить удовлетворенія въ ко-

нечномъ. Человѣкъ не можетъ удовлетвориться любовью къ животнымъ, онъ ищетъ любить подобныхъ себѣ. Такъ и любовь безконечнаго должна искать безконечнаго, но безконечное одиноко, и поэтому его любовь остается неудовлетворенной. На это возраженіе откровенная религія отвѣчаетъ ученіемъ о троичности. Единое по существу абсолютное троично въ лицахъ. Вся полнота божественнаго содержанія принадлежитъ всецѣло каждому изъ божественныхъ лицъ, но каждое особымъ образомъ относится къ другимъ лицамъ и затѣмъ каждое имѣетъ особые отношенія къ міру. Во взаимоотношеніяхъ божественныхъ лицъ осуществляется безконечная любовь абсолютнаго,—почему блаж. Августинъ сказалъ: *vides trinitatem, si caritatem vides*. Въ отношеніяхъ трехъ лицъ къ міру открывается и безграничная любовь Божія къ тварямъ (Іоан. 3, 16; 14, 16). Какъ три лица, такъ и всѣ божественныя свойства въ Богѣ суть неразрывное единство. Какъ мысль и чувство нераздѣлимы въ душѣ человѣка, какъ выпуклость и вогнутость нераздѣлимы въ окружности, такъ и всѣ божественныя свойства суть нѣчто абсолютно единое. Будучи единствомъ, Богъ есть полнота бытія, есть всесовершенное Существо, не подлежитъ измѣненіямъ. Но то, что неизмѣняемо, не подлежитъ условіямъ времени, и то, что своими абсолютными совершенствами наполняетъ все, не подлежитъ условіямъ пространства. Трудно конечному существу, ограничиваемому всевозможными условіями, мыслить безусловное, но однако только въ мысли о безусловно совершенномъ существѣ конечная мысль находитъ себѣ удовлетвореніе.

Мыслители утверждающіе, что понятіе Бога, а затѣмъ и вообще высшаго міра заключаетъ въ себѣ несообразности и противорѣчія, неправы вдвойнѣ: во-1) къ этимъ понятіямъ необходимо приходитъ мысль и ими необходимо, — хотя бы даже и при словесномъ отрицаніи ихъ—регулируется человеческая дѣятельность. Во-2) утвержденіе о несообразности и противорѣчивости покоится у этихъ мыслителей на той игрѣ понятій безконечности и конечности, абсолютности и зависимости, при помощи которой можно построить какіе-угодно софизмы и отрицать какія-угодно истины. Трудно допустить, чтобы софистичность этихъ положеній не чувствовали—хотя бы и смутно—высказывающіе ихъ мыслители.

Понятія свободы, цѣли, провидѣнія не противорѣчивы и не характеризуются несообразностью, но они не могутъ быть вполне выяснены. Это справедливо. Кантъ предложилъ теорію, что нашъ разумъ дѣйствуетъ въ опредѣленныхъ границахъ и въ неизмѣнныхъ рамкахъ, все заключаетъ въ пространство и время и распредѣляетъ по категоріямъ. Заключая въ себѣ много частныхъ цѣнныхъ соображеній, теорія познанія Канта невѣрна по существу. Кантъ представляетъ себѣ мыслительный аппаратъ человѣка, какъ нѣчто безусловно-неизмѣнное и крайне ограниченное. По теоріи Канта познаніе сводится къ тому, что образы всего внѣшняго и внутренняго по опредѣленной системѣ раскладываются въ духовной природѣ человѣка. Но на самомъ дѣлѣ всякое познаніе есть усовершеніе самого мыслительнаго аппарата человѣка, есть расширеніе его „я“, и границъ этому расширенію еще никто не указалъ. И представленія пространства и времени могутъ измѣниться, и категоріи могутъ расширяться и преобразоваться. Вѣрно то, что познавательныя способности человѣка очень ограничены, но нельзя представлять ихъ себѣ въ видѣ ящика съ отдѣленіями, въ который можно уложить вещи только такого-то объема и въ такомъ-то порядкѣ: по мѣрѣ расширенія познаній расширяются и способности. Процессъ развитія человѣка вообще тотъ, что онъ идетъ отъ понятнаго къ непонятному. И не трудно убѣдиться, что въ этомъ процессѣ какое бы понятіе не захотѣлъ себѣ объяснить человѣкъ, онъ непремѣнно по мѣрѣ углубленія въ него дойдетъ до чего-нибудь несъютимаго, необъединимаго, на первый взглядъ — даже противорѣчиваго. Пусть попытаются проанализировать понятіе точки, которою много занимается геометрія, наука о протяженіи, и которая не имѣетъ никакого протяженія. Восходя отъ точки къ линіи, поверхности и тѣлу, увидятъ, что и эти понятія съ которыми мы сжились, при анализѣ оказываются неусвояемыми нашимъ разумомъ. Какой бы предметъ или научный законъ мы не стали подвергать анализу, мы дойдемъ наконецъ не только до того, что еще не понято, но до того, что на первый взглядъ представляется недоступнымъ пониманію. Утѣшеніемъ человѣчеству должно служить то, что не только непонятное становится понятнымъ, но и границы непонятнаго перемѣщаются. Ничего конечнаго не пойметъ въ его существѣ человѣкъ.

если не пойметъ безконечнаго,—не пойметъ человѣкъ и самого себя съ ограниченностью своихъ силъ и безграничностью своихъ стремленій, если онъ не узнаетъ и не пойметъ Бога.

Богъ, отсюда,—разумность міроваго процесса, нашъ долгъ быть въ гармоніи съ этой разумностью, не разрушать ее, а содѣйствовать ей. Богъ — высочайшее благо и высочайшая свобода, отсюда и наша свобода, ибо только обладающій высочайшею свободою можетъ дать свободу другимъ, отсюда и наше тяготѣніе къ добру—хотя и неустойчивое и колеблемое изначала допущеннымъ и постоянно повторяемымъ отступленіемъ нашей свободы отъ добра. Идеи Бога, долга и свободы истолковываютъ намъ міръ, даютъ намъ разумное міросозерцаніе, но они имѣютъ не теоретическое только, а и практическое значеніе. Идея Провидѣнія заключаетъ въ себѣ мысль, что должно дѣйствовать согласно съ Провидѣніемъ, должно быть съ Нимъ въ союзѣ. Назначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы усовершенствоваться самому и усовершенствовать другихъ въ познаніи истины и осуществленіи добра. Усовершенствоваться и подниматься при воздѣйствіи и руководствѣ Провидѣнія. У человѣка должно быть общеніе съ міромъ высшимъ. Если этого общенія не существуетъ теперь, то оно не можетъ и никогда возникнуть. Изъ ничего не будетъ ничего, но изъ ничтожнаго ростка можетъ развиваться могучее дерево. Если между Богомъ и человѣкомъ нѣтъ связи, она не установится, но если она существуетъ, она можетъ становиться прочнѣе и крѣпче.

Законы связи между Богомъ и человѣкомъ, понятно, могутъ опредѣлять лишь Тотъ. Кто есть вообще Творецъ законовъ,—Богъ. Религія съ теоретической стороны есть откровеніе Бога людямъ о Себѣ и о Своей волѣ. Съ практической — религія есть подача Богомъ средствъ для осуществленія Его воли. Воля Божія для человѣка, какъ свободнаго созданія Божія, не есть суровая необходимость. Религія есть союзъ, а не порабощеніе, она требуетъ отъ человѣка самодѣятельности, но не рабства. Религіозная самодѣятельность ведетъ человѣка и къ религіозному усовершенію и къ религіознымъ заблужденіямъ — къ искаженію и извращенію откровенія, къ созданію ложныхъ религіозныхъ представленій. Вслѣдствіе этого религія въ исторіи является въ раз-

личныхъ типахъ и видахъ. Однако, при всемъ различіи религій въ нихъ непремѣнно выступаютъ идеи долга, свободы и Провидѣнія. Нарушеніе долга представляется какъ грѣхъ, а отношеніе Провидѣнія къ человѣку—какъ кара за грѣхъ, награда за исполненіе долга, прощеніе раскаявшемуся, помощь нуждающемуся. Въ изображеніяхъ высшаго міра, въ представленіяхъ религіозной исторіи человѣчества у различныхъ народовъ оказывается много сходнаго. Это понятно: духъ человѣка, развиваясь по своей природѣ, долженъ приходитъ къ правильнымъ религіознымъ представленіямъ, одинаковая поврежденность духа у различныхъ людей вносить и аналогичныя заблужденія, отсюда — сходство у людей и въ правдѣ и во лжи.

Отъ начала исторіи, насколько ее знаетъ человѣчество, и до послѣднихъ вѣковъ религія была идеальной основой жизни въ государствахъ. Во имя религій, во имя боговъ граждане призывались къ великимъ подвигамъ, къ дѣламъ любви, и они совершали подвиги, одерживали побѣды во славу своихъ боговъ. Въ послѣдніе вѣка возникло новое теченіе, стремящееся устранить религію изъ числа факторовъ государственной жизни. Теченіе это имѣетъ для себя основанія. Религіозныя воззрѣнія лицъ, дѣйствующихъ совмѣстно въ государствахъ, часто оказываются различными. У нихъ нѣтъ общей религій, но есть общее государственное дѣло. Тогда религія становится частнымъ дѣломъ cadaque. Не мало теперь явилось лицъ и совсѣмъ отрицающихъ религію, между тѣмъ и такія лица могутъ съ пользою служить государству. Повидимому, такіе факты должны вести въ мысли, что основой жизни можетъ быть и не религія, что въ своихъ высшихъ стремленіяхъ, какъ и въ удовлетвореніи низшихъ потребностей, люди могутъ руководиться принципами совсѣмъ нерелигіозными. Но на самомъ дѣлѣ стоитъ всмотрѣться и вдуматься въ дѣятельность такихъ безрелигіозныхъ союзовъ, чтобы убѣдиться, что ихъ принципы въ сущности религіозны и что на мѣсто ихъ имъ никогда не удастся поставить иные. Государства, не имѣющія государственной религій, пишутъ на своихъ декретахъ: во имя націи, во имя государства. Но развѣ нація или государство являются для нихъ высшею инстанціею? Нѣтъ: далѣе они обыкновенно рассуждаютъ, что нація не должна

допускать несправедливости, что государство не должно производить и попускать насилія. Оказывается, за націею, за государствомъ скрывается нѣкоторый высшій Богъ—правда. Граждане безрелигіозныхъ государствъ какъ и государствъ, исповѣдующихъ религію, одинаково признають для себя обязательными велѣнія этого Бога — нравственной правды. Но они могутъ быть обязательны и имѣть жизненную силу лишь—если это Богъ живой и если этотъ Богъ помогаетъ людямъ исполнять то, чего отъ нихъ требуетъ, и если это требуемое—идеально. Такимъ образомъ, подчиненіе волѣ Божіей, убѣжденіе въ своей свободѣ и вѣра въ божественную помощь добрымъ начинаніямъ есть и будетъ основой всей сознательно разумной и нравственной дѣятельности чело-вѣчества.

С. Глаголевъ.
